

ГОРЬКИЙ О СЕБЕ

АВТОБИОГРАФИЯ
М. ГОРЬКОГО

Около 1901 года известный историк литературы и пушкиновец проф. С. А. Венгеров обратился к Горькому с письмом, в котором просил А. М. прислать ему для критико-биографического словаря русских писателей свою автобиографию. Горький в это время жил в Крыму, в Алушке. Он откликнулся на письмо и вскоре отправил проф. Венгерову свою автобиографию. Подлинный документ сейчас хранится в архиве проф. Венгерова при Институте книговедения в Ленинграде.

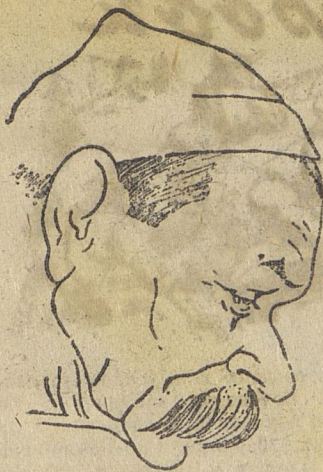
Биографии Горького уже пользовались данными этого документа, но целиком он публикуется нами впервые.

Приводим полный текст автобиографии А. М.

М. Веч. Москва, 23/IX 32

Родился 14 МАРТА 1869 года в Нижнем-Новгороде. Отец — сын солдата, мать — мещанка. Дед со стороны отца был офицером, разжалован Николаем I за жестокое обращение с нижними чинами. Это был человек настолько крутой, что мой отец с десятилетнего возраста до семнадцати лет пять раз бегал от него. Последний раз отцу удалось убежать из семьи своей навсегда, он пешком пришел из Тобольска в Нижний и здесь поступил в ученики к драпировщику. Очевидно, у него были способности, и он был грамотен, ибо уже двадцати двух лет паромничество Колчина (ныне Карповой) назначило его управляющим своей кон-

Рис. 3. Мордмилловича.

М. Горький.

торой в Астрахани, где в 1873 году он и умер от холеры, которой заразился. По рассказам бабушки отец был умный, добрый и очень веселый человек.

Дед со стороны матери начал свою карьеру бурлаком на Волге, через три путины он был уже приказчиком на карабана балахнинского купца Зосова, потом занялся окраской пряжи, разжился и открыл в Нижнем красивое заведение на широких началах. Вскоре он имел в городе несколько домов и три мастерских для набойки и окраски материи. Был выбран в пеховые старшины, служил в этой должности три трехлетия, после чего отказался, оскорбленный тем, что его не выбрали в ремесленные головы. Он был очень религиозен, но жестокости деспотичен и болезненно скуп. Жил 92 года и за год перед смертью сошел с ума, в 1898 году.

Отец и мать обозначались «самокрутой», ибо дед не мог, конечно, выдать свою любимую дочь за безродного человека с сомнительным будущим.

Мать моя на мою жизнь никакого влияния не имела, ибо, считая меня причиной смерти отца, не любила меня и вскоре, выйдя замуж второй раз, уже совершенно сдала меня на руки деда, который и начал мое воспитание с псалтири и часослова. Потом семи лет меня отдали в школу, где я учился пять месяцев. Учился плохо, школьные порядки ненавидел, товарищей тоже, ибо всегда я любил уединение. Заразившись в школе оспой, я кончил учение и более уже не возобновлял его. В это время мать моя умерла от скоротечной чахотки, дед же разорился. В семье его, очень большой, так как с ним жили два сына женатые и имевшие детей, меня никто не любил, кроме бабушки, изумительно доброй и самоотверженной старушки, о которой я всю жизнь буду вспоминать с чувством любви и уважения к ней.

Дядя мой любил жить широко, т. е. много и хорошо пить и есть. Навившись, обыкновенно дрались между собой или с гостями, которых у нас всегда бывало много, или же били своих жён. Один дядя вколол в гроб двух жён, другой одну. Иногда и меня били. Среди такой обстановки о каких-либо умственных влияниях не может быть и речи, тем более, что все мои родственники — народ полуграмотный.

Восьми лет меня отдали в мальчики в магазин обуви, но месяца через два я сварил себе руки кипящими щами и был отослан хозяином вновь к деду. По выдворении меня отдали в ученики к чертежнику, дающему родственнику, но через год вследствие очень тяжелых условий жизни я убежал от него и поступил на пароход в ученики к повару. Это был гвардии отставной унтер-офицер

Михаил Антонов Смурый, человек сказочной физической силы, грубый, очень начетанный: он возбудил во мне интерес к чтению книг. Книжки и всякую печатную бумагу я ненавидел до этой поры, но побоями и ласками мой учитель заставил меня убедиться в великом значении книги, полюбить ее.

Первая поправившаяся мне до безумия книга — «Предание о том, как солдат спас Петра Великого».

У Смурова был целый сундук, наполненный преимущественно маленькими томичками в кожаных переплетах, и это была самая страшная библиотека в мире. Экарстаузен лежал рядом с Некрасовым, «Анна Радклиф» — с томом «Современника», тут же была «Искра» за 1864 год, «Камень веры» и книжки на малорусском языке.

С этого момента моей жизни я начал читать все, что попадало под руку: десяти лет я начал вести дневник, куда вносил впечатления, выносимые из жизни и книг.

Дальнейшая жизнь очень пестра и сложна: из повара я снова возвратился к чертежнику, потом торговал иконами, служил на Грязи-Царицынской жел. дороге сторожем, был крендельщиком, булочником, случалось жить в труппах, несколько раз отправлялся пенником путешествовать по России.

В 1898 году, живя в Казани, впервые познакомился со студентами, участвовал в кружках самообразования; в 1899 году я почувствовал себя не на своем месте среди интеллигенции и ушел путешествовать. Шел из Нижнего до Царицына, Донской областью, Украиной, зашел в Бессарабию, откуда вдоль южного берега Крыма на Кубань к Черноморью. В октябре 1899 года жил в Тифлисе, где в газете «Кавказ» напечатал свой первый рассказ «Макар Чудра». Меня много хвалили за него и, переехав в Нижний, я попробовал писать маленькие рассказы для казанской га-

зеты «Волжский вестник». Их охотно принимали и печатали. Последней очерк «Емельян Пилый» в «Русских ведомостях» — тоже приняли и напечатали. Мне, пожалуй, следует заметить здесь, что легкость, с которой провинциальные газеты печатают произведения «начитанных», действительно изумительна, и я полагаю, что она должна свидетельствовать или о крайней доброте гг. редакторов, или же о полном отсутствии у них литературного чутья.

В 1895 г. в «Русском богатстве» книга VI, напечатан мой рассказ «Челкаш», о нем отзывалась «Русская мысль», не помню в какой книге. В том же году в «Русской мысли» помещен мой очерк «Ошибки», отзывов не было кажется. В 1896 г. в «Новом слове» — очерк «Тоска», отзыв в сентябрьской книге «Образования». В марте текущего года в «Новом слове» очерк «Коновалов».

До сей поры еще не написал ни одной вещи, которая бы меня удовлетворяла, а потому произведений моих не сохраняю — эрго: прислать не могу. Замечательных событий в жизни моей кажется не было, а, впрочем, я неслон представляю себе, что именно следует подразумевать под этими словами.

Алексей Максимович Пешков.
Крым, Алушка, д. Хаджи-Мустафа.

*

ПЕРВАЯ БИОГРАФИЯ М. ГОРЬКОГО

Первым биографом Горького был литератор В. Ф. Боцяновский. По выходе отдельной книжки с подробностями жизни и творчества Горького нововременский критик Буренин обрушился руганью, заявив, что Горький не заслуживает того, чтобы отдельно издавалась его биография. Книга Боцяновского вышла в 1901 году.